

УДК 130.2

Р.А. Юрьев

«ГИЛЬОТИНА ЮМА» И ТЕОРИЯ ДЕЙСТВИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Используя сравнительный анализ теории рациональности Дж. Сёрля и положений феноменологии Э. Гуссерля (периода «Логических исследований»), рассматривается известная философская проблема, получившая название «гильотины Юма». Анализируется возможность преодоления данной проблемы в теории рационального действия Дж. Сёрля путем введения им понятия «основание для действия». Делается вывод о том, что проблема «гильотины Юма» в рамках теории Дж. Сёрля решается как возможность установления семантических правил в рамках конкретной языковой и социальной ситуации, которые и будут иметь характер долженствования. Феноменологическая теория действия отказывает в этом и воспроизводит юмовский тезис с другой стороны: существует должное, которое не может иметь характер произвольного установления и отсылает к существованию априорных условий социальных актов как таковых.

Ключевые слова: речевые акты, рациональность, теория действия, «гильотина Юма».

Философские проблемы и пути их разрешения, безусловно, подчинены истории, особенно если взгляд на них разворачивается с некоторого расстояния. Без идеализма Платона не было бы всей истории философии или, говоря иначе, всем известными словами А.Н. Уайтхеда, «наиболее правдоподобная характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой серию примечаний к Платону». Однако эта подчиненность не может рассматриваться нами в абсолютистском ключе, и с этим согласятся многие. Характер философских проблем предполагает возможность *вне-исторического* диалога. Иными словами, всегда можно попытаться представить, как Кант или Гегель ответили бы на тот или иной вопрос¹. Тем самым историко-философская хронология может считаться достаточно условной. Одним из примеров того, что это так и который будет рассматриваться в нашей статье, будет проблема так называемой «гильотины Юма» (в англоязычной литературе также получившая название проблемы «is-ought»).

«Гильотина Юма» – известное рассуждение, высказанное Дэвидом Юмом в работе «Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам». Диалог *вне-истории* будет заключаться в том, чтобы попробовать рассмотреть:

- (1) одну из попыток интерпретации и решения этой проблемы
- (2) и вполне возможного возражения и опровержения. В качестве (1) будет рассматриваться теория действия современного американского философа Дж. Сёрля, а в качестве (2) – возможная интерпретация и возможное возражение теории действия со стороны феноменологической философии, пред-

¹ Аналогично тому, как П. Слотердаик в «Критике цинического разума» представляет, какой была бы ситуация, если бы мы объясняли Иммануилу Канту суть «Тезисов о Фейербахе» и «Состояние Просвещения».

ставленной Э. Гуссерлем. Оговоримся сразу: тезисы Э. Гуссерля будут основаны на его положениях, выдвигаемых им в «Логических исследованиях» (далее – *ЛИ*), в частности, его критике «психологизма» и «антропологизма», где, согласно большинству исследователей его творчества, он выступает как «логический абсолютист» [1].

Что является основанием, на котором мы выстраиваем данный критический обзор? Исходная гипотеза такова: на самом деле, мы можем предположить, что в истории философии сложилось двунаправленное движение от творчества Д. Юма. Знаменитый отрывок можно интерпретировать двояким образом. Первый способ интерпретации говорит о том, что построить этику возможно, лишь имея некие повторяющиеся факты в качестве строительного материала. Долженствование по своей природе имеет фактическое происхождение. Второй способ утверждает обратное – существует сфера долженствования, с которой необходимо постоянно сверяться. Долженствование существует само по себе, а факты сами по себе. Предположим, что сёрлевский проект рациональности действия отражает первую тенденцию, а гуссерлевский – вторую.

Вопрос будет звучать следующим образом: способен ли анализ действия Дж. Сёрля удовлетворить тем требованиям, которые предъявляет феноменология к рациональности как таковой.

Для начала приведем известную цитату Д. Юма полностью, несмотря на ее относительную известность:

«Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно «есть» или «не есть», не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки «должно» или «не должно». Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это «должно» или «не должно» выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него» [2. Т. 1. С.511].

Согласно Юму, из предложений о фактах невозможно вывести какую бы то ни было этику. Что из этого следует? Пользуясь более современной терминологией, дескриптивное («как есть некое положение вещей») и нормативное («каким должно быть некое положение вещей») отделены друг от друга непреодолимой пропастью. Логически вывести из сущего должное нельзя. Из того, что есть, нельзя сказать, что мы должны делать. Позиция Юма по этому вопросу вполне согласуется с его скептическим учением в целом. На самом деле, если причинность и обусловленность есть результат некоей «привычки», а на самом деле мы не можем сказать, существует ли причинность объективно, то этика как причинность в действии невозможна. Можно лишь уловить повторяющуюся тенденцию и придать ей статус этической нормы.

Однако, как представляется, одним из достаточно серьезных возражений по поводу «гильотины Юма» является теория действия современного американского философа Джона Сёрля. Рассмотрение соотношения сферы сущего и сферы должного с точки зрения теории речевых актов дает новое прочтение этой проблемы. Если рассматривать этику в перспективе теории «речевых актов», то оказывается, что вполне возможна дедукция из сферы «сущего» в сферу «должного». Обратим более подробное внимание на сёрлевскую теорию.

Дж. Сёрль дает следующую предварительную формулировку рациональности: «В человеческой рациональности, в противоположность обезьяней, существует разница между основаниями для действия, которые связаны с удовлетворением того или иного желания, и основаниями, не зависящими от желаний. Основное различие между видами оснований для действия заключается в том, что одни из них связаны с тем, что вы хотите и что вы должны сделать для получения желаемого, тогда как другие связаны с тем, что вы должны сделать независимо от ваших желаний» [3. С. 21]. На первый взгляд, в приведенной цитате можно обнаружить отзвуки всем знакомой кантовской этики. С одной стороны, есть желания, которые приводят к тому, что я стремлюсь их выполнить, стремясь достигнуть счастья. С другой стороны, существует долг, выполнение которого не зависит от моих желаний.

Но не все так просто. Ключевым словом в формулировке Дж. Сёрля является «основание для действия», и, благодаря оригинальной трактовке, это понятие выходит за рамки этической системы основателя немецкого идеализма. Дж. Сёрлю, как и многим философам англо-американской аналитической традиции, свойствен поворот от абстрактной метафизики долга к прагматике социальных взаимодействий. Тем самым, можно сказать о том, что проект рациональной этики не может быть в принципе завершен. Любая рациональность контекстно обусловлена и может быть продуктивно проанализирована лишь в рамках поля коммуникации действующих субъектов. Более того, рациональность создается в процессе этого взаимодействия.

Основание для действия представляет собой нечто независимое от желаний и создается самим субъектом. Дж. Сёрль приводит пример с официантом, споря о том, что могут существовать основания для действия, независимые от желания. Представим себе, что вы пришли в ресторан и заказали пиво, но когда пришло время платить по счетам, вы не обнаруживаете внутри себя никаких желаний это сделать. «Я проанализировал весь мой набор мотиваций, проверил все, но, – пишет Дж. Сёрль, – так и не нашел желания, которое могло бы привести меня к тому, чтобы я заплатил за это пиво» [3. С. 43]. При этом «классическая модель» рациональности действия, к которой Дж. Сёрль с некоторыми возможными оговорками относит Аристотеля, Д. Юма и И. Канта, видит основание действия в том, что мы совершаем их ради некой цели либо для того, чтобы исполнить другое желание. При этом имеется в виду, что и то и другое находится (и должно находиться) внутри «мотивационного набора» действующего субъекта.

Поэтому необходимо различие между внутренними мотивациями и основаниями для действия. Американский философ примерно говорит следующее – неважно, каков внутренний характер мотиваций: необходимо деление на желания и внешние основания для действия, и вся «классическая» тради-

ция упускает этот момент. Но упускает его не потому, что объективные факты, имеющие принудительную силу, были ей не знакомы. Скорее основания принудительных фактов рассматривались не в той плоскости. Считалось, что существует оппозиция «сознание-мир», опосредованная «языком». Дж. Серл как философ, выросший в рамках «лингвистического поворота» и, более того, внесший в него значительный вклад, считает, что язык не отражает реальность, а является ее *со-творцом*. На самом деле между «хочу» и «должен» достаточно просто устанавливается причинная связь, и Дж. Сёрль недвусмысленно отвечает на этот вопрос: «Мне представляется, что мы создаем независимые от желания основания почти всегда, когда начинаем говорить» [3. С. 195].

К примеру, я хочу выполнить обещание и не хочу его выполнять – может ли нежелание (потеря памяти, сон) аннулировать сам факт обещания, если он дан? Естественно, нет. Обещание имеет силу и составляет возможность существования «институциональных фактов» как результатов «коллективной интенциональности». В то же время, дав обещание, мы имеем возможность выбора альтернатив, и в этом ракурсе особенность действия состоит в том, что существует ощущение скрытых альтернативных возможностей, в отличие от восприятия. Иным отличием является то, что мы способны становиться причинами событий. В акте же восприятия мир причинно влияет на нас. «Воля содержит разрыв, а познание не содержит его» [3. С. 90]. Разрыв означает множество альтернатив для действия в каждый момент времени и является почвой для того, что называется *слабостью воли* (акразией).

Проблема выбора в данном случае может заключаться в возможности существования логически несовместимых оснований для действия, каждое из которых, в своем роде, является веским. Выбор одного из вариантов может приводить к тому, что другой вариант не осуществлен, тем не менее он оставляет за собой право быть тем вариантом, который, выражаясь языком экономики, будет представлять собой утраченную «альтернативную стоимость». Представим, что женатый мужчина пообещал супруге побыть дома, а в то же самое время провести этот вечер с друзьями. Логические основания здесь несовместимы: либо быть дома, либо с друзьями. Налицо конфликт между различными основаниями, а выбор оснований будет искомой точкой разрыва. Какой бы вариант не был бы принят, наряду с выигрышем от осуществленного выбора, всегда будет существовать и возможность проигрыша (ссора с друзьями, с женой и т.д.). Не-выбранное основание позволяет рассматривать любое действие как потенциально акразийное.

Однако нам могут возразить следующее¹:

1) это крайний случай, когда есть лишь два варианта и они противоположны. Но может быть и несколько вариантов, и все они осуществимы с разной степенью успешности. От чего зависит выбор субъекта конкретного варианта? Это зависит от множества условий, как объективных, так и субъективных.

2) выигрыш и проигрыш вряд ли можно считать критерием качества сделанного выбора. Эти показатели не приемлемы в этой ситуации, поскольку

¹ Эти возражения были высказаны В.В. Оглезневым.

требуют количественного измерения. Представим, играя в казино в рулетку, человек решает, куда поставить весь свой банк – на «черное» или на «красное». Совершая действие по выбору стратегии (куда поставить), он может рассчитать вероятность успешности, т.е. он делает рациональный выбор. Но может сделать ставку спонтанно, иррационально и может выиграть – повезло! Чисто гипотетически проигрыш всегда существует, но не во всех ситуациях. Хотя опять же, что понимать под «проигрышем»? Или что значит «Из двух зол он выбрал меньшее»? Или «Он долго не мог назвать цену, чтобы не продешевить» и т.д.

3) Дж. Л. Остин в свое время говорил, что локуция, которая содержится в акте обещания, она как бы однонаправленна. То есть обещание всегда конкретно, в этом смысле не может быть обещания такого рода, как, например, «Я принесу тебе то, не знаю что». Нельзя пообещать искренне (а искренность – признак успешности перформатива и у Остина, и у Сёрля), что говорящий проведет время и с женой, и с друзьями одновременно. Какое-то из этих обещаний неискреннее, а значит – неуспешное, и значит – не акт обещания. Дж. Сёрль указывает, что обещание будет дано тогда и только тогда, когда субъект намерен сделать некое действие. Это называется «правилом искренности» [4. Р. 62–64].

Следует ответить на данные замечания. Во-первых, нам ничего не мешает помыслить множество вариантов, и это будет ясно из наших возражений на второе и третье замечание. Поэтому следует начать с первого и второго замечания. Третье замечание, пожалуй, самое важное в этом списке, и на него следует ответить, уже исходя из гуссерлевской теории.

В ответ на первое замечание можно указать следующее. Выбор как таковой, исходя из объяснений Дж. Сёрля, нельзя рассматривать в качестве зависящего и от субъективного и от объективного. Суть «разрыва» в том, что хотя мы создаем независимые от нас основания, которые обладают принудительной силой, мы не обязаны в строгом смысле им подчиняться. Дж. Сёрль настаивает на необходимости допущения существования «неустраимой, неюмовской личности», описывая действия которой, мы должны руководствоваться не понятиями причины и следствия, а только теми основаниями, среди которых она может осуществлять свой выбор.

На второе возражение следует ответить таким образом. Сделанный выбор можно определить как упущенную возможность достижения альтернатив. Тем самым неважно, совершил кто-то ошибку или нет. Как не важна упущенная возможность выгоды или возможная ошибка.

По третьему замечанию вопрос заключается в следующем. Немного забежав вперед, спросим, является ли искренность необходимой для успешности перформатива? Согласно теории речевых актов и Дж. Л. Остина, и Дж. Сёрля, искренность является необходимой для его (речевого акта) осуществления. Однако при этом оказывается, что субъект может выбирать и те основания, обещания по которым даны неискренне. На самом деле, ничто мне не мешает неискренне пообещать и выполнить далее это неискреннее обещание. Обещая неискренне, я, так или иначе, создаю основание для действия. Поэтому можно усомниться, что искренность является материей акта

обещания. Вряд ли для логики актов важна искренность, и, как далее мы увидим, с этим согласился бы и Э. Гуссерль.

Почему проблема обещания выглядит таким образом, что, с одной стороны, обещание вполне может быть правомерным как с наличием условия искренности, так и с его отсутствием? Ведь если суть всякой теории действия задать максимальную планку обобщения эмпирического опыта в виде некоей практико-ориентированной формулы, то перед нами появляется альтернатива – либо что-то не так с теорией, либо сами основания несколько иные и, тем самым, возражения могут быть аннулированы в рамках ее языковой игры. Это очень важный момент, который мы рассмотрим дальше, обратив внимание на гуссерлевскую теорию. Именно так может проявиться то различие, которое и объясняет «проблему Юма».

Стало быть, хотя этика в теории действия, которую мы можем вывести из сёрлевской философии, не имеет в виду под собой некоторое метафизическое долженствование (о котором можно прочесть у Юма в некотором определенном аспекте), тем не менее обозначает переход от наличного имеющегося акта к акту долженствующему, несмотря на то, что генезис актов ситуативен и контекстуален. Для Дж. Сёрля важно уже имеющееся допущение иного субъекта (Другого) в рамках языковой практики. Рациональность означает, что некоторые правила решения для осуществления действия все же соблюдены. В фактическом и типическом осуществлении истины мы можем увидеть осуществление истины как таковой. В этом ракурсе истина свершается здесь-и-теперь в общем поле коммуникации субъектов.

Напротив, тезис автора *ЛИ* звучит так: «Никакая истина не есть факт, то есть нечто определенное во времени» [5. С. 80]. Тезис Э. Гуссерля прямо противоположен контекстуальности и ситуативности, которую мы наблюдаем у Дж. Сёрля.

Когда мы говорили о том, что у Э. Гуссерля долженствование существует само по себе, а факты сами по себе, мы не имели в виду того, что то, *как есть* и *как должно быть*, разделено непреодолимой пропастью, по крайней мере фактически. «Все законы точных наук о фактах хотя и суть настоящие законы, но, рассмотренные с точки зрения теории познания, они идеализирующие фикции (впрочем, фикции *cum fundamentum in re*)» [5. С.77]. Из эмпирически частного выделяются, согласно Э. Гуссерлю, аподиктические вероятности, которые сводятся к точным идеям и, далее, к их системам. Те, в свою очередь, являются лишь идеальными возможностями, которые не исключают бесконечного множества других возможностей, но ставят им границу. Тенденция может и является законом в фактическом и психологическом смысле, в смысле логическом тенденция никаким законом быть не может. «Ни один естественный закон не познаваем *a priori* (в отличие от логических законов. – *Ю.Р.*). Единственный путь для обоснования и оправдания подобных законов – это индукция из единичных фактов опыта. Но индукция обосновывает не значимость закона, а лишь большую или меньшую степень её вероятности; с очевидностью получает оправдание вероятность, а не сам закон. Следовательно, также логические законы, и притом все без исключения, должны были бы иметь ранг простой вероятности» [5. С. 69].

Вышеприведенные рассуждения Э. Гуссерля приводятся в той части *ЛII*, которая касается подробной критики так называемых психологизмов и антропологизмов и т.д.

«Психологизм» – это попытка вывести законы логики, например, из законов восприятия (поскольку вещь не может существовать и не существовать в восприятии в одно и то же время и в одном и том же отношении, следовательно, логический закон вырастает из неких первичных восприятий). «Антропологизм» – это попытка вывести законы логики из единства «человеческой природы», «мышления вообще», «сознания вообще» (если бы не существовало общечеловеческой организации познания, то и истины бы не существовало). Возражение Э. Гуссерля по отношению к тому и другому можно привести в следующих цитатах: «Релятивистски основывать истину на организации вида – значит придавать ей характер факта. Каждый факт индивидуален, следовательно, определен во времени. В отношении же истины упоминание об определенности во времени имеет смысл лишь в связи с установленным благодаря ей фактом (именно если она это фактическая истина), но не в связи с ней самой» [5. С. 113]. И далее: «релятивизм – учение, которое выводит логические принципы из фактов» [5. С. 116].

В целом мысль Э. Гуссерля такова – существует идеальное, которое не может быть редуцировано ни к фактам психической жизни, ни к организации человеческого вида. Платонизм ранней феноменологии очевиден. Истоки рациональности как таковой у Э. Гуссерля имеют внеиндивидуальный характер. Долженствование в контексте *ЛII* может не иметь субъекта для своей реализации.

Поэтому, имея, в качестве условного возражения, гуссерлевскую критику проектов сведения логического к физическому и психическому, можно вернуться и к теории действия Дж. Сёрля. Давайте предположим, что могло бы смутить родоначальника феноменологии в теории действия американского мыслителя.

Главное возражение уже приводилось выше. Принадлежит ли искренность к необходимым условиям обещания как социального акта? Поскольку мы можем представить, что обещание имеет силу, даже если давалось искренне или неискренне, то тем самым условие искренности не является для него необходимым. Обещание просто порождает требование, с одной стороны, и обязательство – с другой. Как говорил один из ранних учеников Э. Гуссерля и сторонник его логического абсолютизма А. Райнах: «Требование и обязательство нельзя постигать в их существовании самостоятельным образом» [6. С. 171]. Требование и обязательство логически предполагают необходимую отсылку к своему первичному источнику – обещанию. Этого вполне достаточно и не требует субъекта для своей реализации: социальные акты постигаются априорным образом. Феноменология использует здесь *lex parsimoniae* по отношению к субъекту.

Поэтому если бы мы собрались каким-то образом представить теорию действия, как она сложилась бы у Э. Гуссерля в *ЛII*, то оказалось бы следующее. У Э. Гуссерля нет никакой необходимости в действующем субъекте. И не потому, что субъект был бы эмпиричен, со всеми вытекающими психологическими модусами. «Бессубъектным субъектом» в данном случае высту-

пает сама логика – бессубъектным в том смысле, что никакого волевого акта (или «разрыва», по Дж. Сёрлю) она не предполагает. Обещание и обязательство будут существовать независимо от адресата и адресанта. Это можно непосредственно усмотреть в самой сути социального акта. Для сути социального акта субъект не является необходимым.

Как указывает Е.В. Борисов, у Э. Гуссерля сохраняется самоидентичность истины: «геометрическая теорема, говорит Гуссерль, может быть содержанием разнообразных переживаний (актов мысли), которые различаются между собой по многочисленным параметрам (психологический модус, ассоциативные связи, локализация в «потоке переживаний» и т.п.), однако многообразие переживаний никак не сказывается на смысле теоремы. Это позволяет отличить ее – как содержание мысли (*das Gedachte*) – от акта мысли (*Denken*); иначе говоря, следует отличать идеальный интенциональный предмет от разнообразных актов, в которых он интендирован» [7. С. 7]. Осуществив перенос данного тезиса в область этики, такую позицию можно обозначить как этику без субъекта: существует идеальное содержание акта действия, и это идеальное содержание должно быть полностью реализовано во всех возможных мирах.

Дж. Сёрль, наоборот, склоняется к допущению о том, что волевой субъект действия должен существовать. Дело в том, что для Дж. Сёрля точка зрения, когда субъект действует на основе причин, представляется аномальной, поскольку воли (выбора, ответственности) как таковой у субъекта не существует. Субъект может быть субъектом действия только в том случае, если у него есть основания для действия, а не действия в результате причин. Причины делают нас несвободными, в отличие от оснований, которые мы можем выбирать.

И если мы говорили, что (у Дж. Сёрля) может ли нежелание (потеря памяти, сон) аннулировать сам факт обещания, если оно дано, и отвечали на этот вопрос отрицательно, то под этим имелось в виду то, что в контексте теории действия Сёрля уже подразумевается наличие Другого. Подразумевание такого рода делает возможными и коллективные «институциональные факты» и коммуникацию в целом. У Э. Гуссерля, напротив, наличие Другого не подразумевается, тем не менее аннулирование факта обещания невозможно из-за его самоидентичного субстанциального значения.

Таким образом, проблема «гильотины Юма» в рамках теории Дж. Сёрля решается как возможность установления семантических правил в рамках конкретной языковой и социальной ситуации, которые и будут иметь характер долженствования. Феноменологическая теория действия отказывает в этом и воспроизводит юмовский тезис с другой стороны: существует должное, которое не может иметь характер произвольного установления.

Генезис нормативности у Э. Гуссерля и Дж. Сёрля в чем-то совпадают. У Э. Гуссерля в основе нормативности лежат теория и факты, однако это можно рассматривать как ступени восхождения к некоему истинностному максимуму, который может быть схвачен только понятийно. Эта максимальная истина несколько не зависит от фактов и теории – факты и теории лишь инструменты в ее постижении субъектом. В этом плане психологическое и антропологическое измерение субъекта может быть редуцировано. Чем более мы приближаемся к истине, тем более субъект исчезает.

У Дж. Сёрля мы также можем увидеть, что схватывание «истины» действия возможно лишь на основе эмпирического опыта, но при этом истина всегда завязана на определенном контексте. Субъект необходим в рамках социальной коммуникации. Обещание не может быть дано в пустом логическом пространстве – оно требует Другого, как необходимого условия для создания основания для действия.

Конечно, теория действия Дж. Сёрля более гармонично вписана в современные гуманитарные представления о коммуникации. Если в *ЛИ* мы сталкиваемся с «монологичностью» субъекта, то в сёрлевской теории полностью отражается то направление современной мысли, при котором фигура Другого является необходимым условием действия и этики. Еще М. Вебер указывал на необходимость Другого (как реального/воображаемого лица, инкорпорированных ценностей, норм и т.д.) как условия осмысленности любого социального акта. Коммуникация оказывается локально-темпоральной, и ее истина как таковая рождается в процессе столкновения субъекта с Другим. Еще одним преимуществом теории американского мыслителя является возможность использования «антропологического тезиса», который бы смог указать на то, что проблема априорности социального акта не может быть решена в рамках «трансцендентально-солипсистской установки». Вполне возможно, что существуют и иные семантические правила, индексирующие иллокутивную силу обещаний. Возможно, они уже не будут обещаниями в том смысле, в котором их понимаем мы, а будут произвольно устанавливаться в рамках определенной языковой практики. Это будет, например, аналогично феномену «потлача», который полностью опровергал традиционные представления о соперничестве и сотрудничестве в европейской культурной традиции.

Таким образом, можно утверждать, что и теория рациональности Дж. Сёрля, и феноменология Э. Гуссерля представляют собой различные линии понимания «гильотины Юма». Теория Дж. Сёрля утверждает, что в фактических актах коммуникации (обещаниях, приказах, обязательствах) создаются основания для нормативных суждений. Напротив, гуссерлевская позиция на этот счет могла бы быть совершенно иной – ценности не могут создаваться на основании фактических актов. Феноменология представляется по отношению к проблеме, поставленной Д. Юмом, своего рода обновленным платонизмом. И, несмотря на то, что теория рациональности Дж. Сёрля более привлекательна как возможное основание теории коммуникации как таковой, не избавлена от вопроса о том, является ли рациональность общей или она полностью подчинена фактам, могут ли существовать правила, которые конституируют сами правила, индексирующие успешность социального акта? Тогда, например, согласно мысли А. Райнаха, можно утверждать, что эти правила существуют и постигаются в качестве априорных. Но при этом мы сталкиваемся с проблемой как существования априорных правил, так и их исчерпывающего списка, особенно если стоим на позиции принципиальной открытости нашего опыта.¹

Литература

1. Зайферт Й. Философия как строгая наука. К основанию реалистического феноменологического метода в критическом диалоге с гуссерлевской идеей о философии как строгой

¹ Г. Харт говорит о праве как «открытой структуре» в своей работе «Понятие права».

- науке. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/04.htm (дата обращения: 16.04.14).
2. Юм Д. Сочинения в двух томах / Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. М.: Мысль, 1996. Т. 1.
 3. Сёрль Дж. Рациональность в действии: пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
 4. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Alden Press, Oxford.
 5. Гуссерль Э. Логические исследования. Т.1: Прологомены к чистой логике. М.: Академический проект, 2011.
 6. Райнах А. Априорные основания гражданского права. М.: ДИК, 2001.
 7. Борисов Е.В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.

Yuriev Roman Alexandrovich Kuzbass Institute of FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation)

“HUME’S GUILLOTINE” AND THEORY OF ACTION IN THE ANALYTICAL AND THE PHENOMENOLOGICAL PHILOSOPHY

Key words: speech acts, rationality, theory of action, "Hume's Guillotine"

The well-known philosophical “Hume's Guillotine” (“is-ought problem”) within framework of J. Searl's theory of rationality and early E. Husserl's phenomenology (“Logical Investigations” period) is considered in the article. It is necessary to consider the problem in two stages: 1. J.Searl's interpretation and solving the problem; 2. the possible objection and refutation by phenomenological philosophy. It may be assumed that two ways of interpretation of “is-out problem” are developed in the history of philosophy. The first method suggests that ethics can be constructed on the basis of the facts. Thus the values grow from the facts. The second way asserts the opposite and says that the facts exist separately from the values. The question is can J. Searl's analysis of action satisfy the requirements which makes phenomenology to rationality. J. Searl's theory confirms the bases for normative judgments are created in actual acts of communication. Phenomenology asks a question about the existence of the *a priori* rules laying in the basis of the rules of the success of social act.

References

1. Seifert J. Filosofiya kak strogaya nauka. K osnovaniyu realisticheskogo fenomenologicheskogo metoda v kriticheskom dialoge s gusserlevskoy ideey o filosofii kak strogoy nauke.[Philosophy as strict science. To the ground of realistic phenomenological method in critical dialogue with Husserl's idea of philosophy as strict science]. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/04.htm. (Accessed: 16th April 2014).
2. Yum D. Sochineniya v dvukh tomakh. [Works in 2 vols.]. Translated from English by S.I.Tsereteli, V.V.Vasil'ev, V.S.Shvyrev. Moscow: Mysl' Publ., 1996. Vol. 1, 711 p.
3. Searle J.R. Ratsional'nost' v deystvii [Rationality in action]. Translated from English by A. Kolodiya, E. Rumyantseva. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2004. 336 p.
4. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Oxford: Alden Press, 1969. 203 p.
5. Gusserl E. Logicheskie issledovaniya [Logical researches]. Translated from German E. A. Bernstein. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. Vol.1, 253 p.
6. Raynakh A. Apriornye osnovaniya grazhdanskogo prava [Priori grounds of civil law]. Moscow: DIK Publ., 2001.
7. Borisov E.V. Osnovnye cherty postmetafizicheskoy ontologii [Principal characteristics of postmeta-physical ontology]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2009, 120 p.